

ПАРАХОНЬКО Людмила Вячеславовна,

ассистент кафедры славистики Бельцкого государственного университета имени А. Руссо; ул. Пушкина, 38, г. Бельцы, 3100, Молдова; e-mail: parakhonko91@mail.ru; тел.: +373 78690238; ORCID ID: 0000-0002-7010-3107

**ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ И СПЕЦИФИКА ИХ ПЕРЕВОДА
В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ» (НА МАТЕРИАЛЕ
ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ДИСКУРСОВ)**

Аннотация. *Цель* статьи — исследовать тавтологические сочетания и специфику их перевода в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет» (на материале оригинального и переводного дискурсов). *Объект* анализа — тавтологические сочетания и специфика их перевода в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет». *Предмет* анализа — техники перевода, позволяющие проанализировать специфику перевода тавтологических сочетаний, а значит — и их роль, релевантность в оригинальном художественном произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет» и его английском аналоге. Как основной в работе использован *метод* контрастивного анализа. В *результате* проведённого исследования рассмотрена амбивалентность в отношении к тавтологическим компонентам, выражающим определённые смыслы, описана специфика перевода тавтологических сочетаний в художественном произведении, выявлены проблемы, с которыми сталкивается переводчик, намечены перспективы решения некоторых из них.

Выводы. Иностраный текст может быть одновременно переводимым и неперевоаемым из-за существующей языковой асистемности, которая находит свою когерентность (взаимосвязь) с грамматическим аспектом концептуализации, что свидетельствует о логоцентризме языковых категорий. В исследуемом материале выявлены два направления антропоцентрического подхода к нему, на которые указывала Е. С. Кубрякова: 1) «человек в языке», выступающий как носитель сознания и транслятор культур, 2) «язык в человеке», служащем мерой всех вещей в языке и культуре. **Практическое применение** результатов исследования возможно в курсах теории перевода, лингвокультурологии и этнолингвистики.

Ключевые слова: тавтологические компоненты, скрытые смыслы тавтологии, перевод, специфика, амбивалентность, оригинальный текст, переводной текст, А. И. Куприн.

Постановка проблемы. Развитие теории коммуникации и информации, неразрывно связанные с познанием индивида, формированием и последующей трансляцией его гносеологической функции, обусловило необходимость в аккультурации и повышении уровня информативности индивида в рамках современного межкультурного пространства. При определении информативности существенную роль играет прагматический аспект, который заключается в соответствии содержания текста и знания, которым располагает иноязычный продуцент коммуникации по данному вопросу. Из этого положения следует, что когниция (результат познания) может быть как вербализованной, так и невербализованной. «Развоплотить» потенциал текстового сообщения помогает перевод, т. к. он является своеобразным языковым посредником, при котором содержание иноязычного текста передаётся на переводящий язык путём создания коммуникативно равноценного текста при использовании знаковой системы данного языка.

Однако не всегда представляется возможным достичь абсолютного равенства между содержанием текста на иностранном и переводящем языках, т. к. перевод, будучи средством общения, указывает на разную этническую культуру. В поведении субъектов и их ментальной деятельности имеются свои дифференциальные особенности. Таким образом, возникает апория, трудноразрешимая проблема, связанная с противоречием между переводимостью и неперевоаемостью текстового материала.

Тавтология, характеризующаяся интенциональностью человеческого сознания и потому являющаяся лингвоспецифическим феноменом, отличается своей особенностью переводимости. Данным обстоятельством и обусловлена актуальность исследуемой проблемы. Необходимо исследовать общее и частное в интерпретации реалий автором оригинального произведения и переводчиком. Это даёт возможность распознать языковую личность, которая с помощью словарного аппарата языка вербализует собственное коммуникативное намерение, создавая некий диссонанс между интенционалом экспликандума и интенционалом экспликанта.

Обзор предыдущих исследований. Исследование языковой избыточности имеет длительную историю. Интерес к изучаемому явлению уходит своими корнями в античную риторику и стилистику. Но методологические основы изучения тавтологии и её неоднозначной роли в естественных языках были заложены рядом лингвистов XIX века: Ф. И. Буслаевым, Н. И. Гречем, А. Мейем, Ф. Миклошичем, Г. Паулем, А. А. Потемней и др. Так, по мнению Г. Пауля, «языку чуждо какое бы то ни было излишество», в связи с чем оно приобретает отрицательную коннотацию. Ф. И. Буслаев же утверждает, что тавтология «придаёт речи большую силу и одушевлённость». Соответственно, меняется полярность исследуемого языкового явления.

Постановка задач. Цель исследования состоит в выявлении специфики перевода тавтологических образований в произведении А. И. Куприна «Гранатовый браслет» (на материале оригинального и переводного дискурсов). Достижение цели работы предполагает решение следующих задач: 1) на основе концепции В. Н. Комиссарова выявить и проанализировать в исследуемом материале использованные на практике переводческие трансформации, осуществлён, 2) уточнить определения тавтологии с точки зрения узуса и прагматики, когнитивной лингвистики, 3) определение специфики репрезентации тавтологии в оригинальном и переводном дискурсах.

Эффективность межъязыковой коммуникации определяется степенью близости перевода к оригиналу. Детерминировать данную степень позволяет трансформационная модель перевода, которая для полноправного репрезентанта оригинала сопровождается более или менее релевантными опущениями, добавлениями и другими его модификациями. Следовательно, необходимо рассмотреть соответствующие техники перевода, позволяющие проанализировать их роль и значение при экспликации оригинального произведения на переводящий язык.

Изложение основного материала. По В. Н. Комиссарову, переводческие трансформации подразделяются на лексические, лексико-семантические, грамматические и лексико-грамматические.

Лексические трансформации

Транскрипция представляет собой способ перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания её звуковой формы с помощью букв языка перевода. Транслитерация, в отличие от транскрипции, передаёт графическую форму оригинала. Транслитерация, как и транскрипция, используется при передаче имён собственных и географических названий, разного рода политических и культурно-бытовых реалий.

Калькирование — это приём перевода, при котором слова и выражения одного языка переводятся на другой язык при помощи точного воспроизведения средствами переводящего языка их морфемной или словесной структуры. В основном, калькирование используют для передачи безэквивалентной лексики (лексических единиц, не имеющих регулярных (полных или частичных) словарных соответствий в языке перевода) и фразеологизмов [2, с. 159–161]. Необходимо отметить, что калька делится на морфологическую (буквальный перевод отдельных морфем, формирующих иноязычное слово (англ. *waterproof* — рус. *водонепроницаемый*)) и семантическую (заимствованное значение прикрепляется к уже существующему слову) [5, с. 33].

Представляется важным упомянуть, что можно заменить иностранную лексему эквивалентом переводящего языка, обращая внимание при этом на контекст. Данный вид трансформации называется контекстуальной заменой.

Лексико-семантические замены

При смысловой конкретизации переводчиком выбирается лексема с конкретным значением в языке реципиента. При приёме генерализации действует обратная операция, т. к. к единице иностранного языка с узкой семантикой подбирается единица переводящего языка с более широким значением, своеобразный гипероним.

Используя модуляцию, или смысловое развитие, переводчик устанавливает причинно-следственную связь между оригиналом и переводом.

Грамматические трансформации

В группу морфологических трансформаций входят трансформации грамматических категорий, частей речи, членов предложения, предложно-падежных форм в независимых словосочетаниях и в сочетаниях с глаголами с различным управлением и др.

К синтаксическим преобразованиям относятся дословный перевод, членение предложений и их объединение.

Дословный перевод (нулевая трансформация) — это способ перевода, при котором синтаксическая структура иностранного языка заменяется аналогичной структурой переводящей языковой системы. Кроме этого, не искажается смысл оригинального произведения. В этом состоит его принципиальное отличие от буквального перевода.

Приём членения предложения, в свою очередь, заключается в делении единицы речи (предложения) на несколько предикативных единиц в переводе. Соответственно, прямо противоположным приёмом членения коммуникемы (в силу психологической основы) является приём объединения предложений в переводе. Отметим, что А. С. Шишков к синтаксическим грамматическим модификациям относит также компрессию и декомпрессию.

Таким образом, компрессия — это сокращение в тексте перевода единиц, которые не представляются важными для адекватного перевода текста [6, с. 143]. Обратной стороной компрессии по принципу действия является декомпрессия, а именно расширение текста перевода [6, с. 163].

Лексико-грамматические трансформации

Под приёмом антонимического перевода подразумевается субституция положительной конструкции оригинального дискурса на отрицательную в переводном тексте и наоборот.

Детерминирующим свойством описательного перевода, или экспликации, является то, что даётся более или менее полное объяснение определённого значения на языке перевода.

И, наконец, компенсация реализуется путём возмещения утраченного компонента смысла при переводе. При этом компенсирующее средство в тексте перевода может находиться в любом другом месте по сравнению с оригиналом [2, с. 165–166].

Поскольку значение тавтологии конвенционально (с одной стороны, имеет отношение к узусу, с другой, — коммуникативной целесообразности) и зависит от конкретной кодовой системы, необходимо дефинировать её ядерные семы, позволяющие при помощи переводческих техник лучше разобраться в специфике передачи данного явления на язык реципиента.

В Словаре-справочнике лингвистических терминов Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой тавтология определяется как:

1) тождество, повторение сказанного другими словами, не вносящее ничего нового. Например: *авторские слова — это слова автора*.

2) Повторение в предложении однокоренных слов: *В борьбе за свои права рабочие объединились ведино. Следует отметить следующие особенности произведения и т. д.*

3) Неоправданная избыточность выражения: *Более лучшее положение* (в форме лучшее уже заключено значение сравнительной степени). *Самые высочайшие вершины* (в форме высочайшие уже заключено значение превосходной степени) [8, с. 479].

Однако Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв в монографии «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» тавтологическое образование сравнивают с «мысленным досье референта» [1, с. 809]. Это значит, что существует апелляция к прагматическому аспекту, который заключается в экономии речевых средств за счёт «свёрнутости» понятийной структуры описываемой семантической избыточности.

Таким образом, формируется некая бифуркация, двойственное понимание тавтологии. С одной стороны, данный вид многословия относится к общепринятой речевой практике и поэтому считается ошибкой. С другой стороны, он согласуется с нормой, функционирует как «правильное» языковое явление.

Кроме того, различают два типа тавтологии: изонимическую реитерацию (лексемную близость, или повтор дословный и корневой) и изосемию (смысловой повтор). Изосемия, в свою очередь, подразделяется на поговорки и крылатые фразы, которые основываются на лексической тождественности темы и ремы высказывания (например, «на войне как на войне», «приказ есть приказ») и скрытую, пропозициональную тавтологию, т. к. во фразе разными лексическими средствами передается одно и то же содержание [9, с. 160–161].

Дефинируя сущность тавтологии, мы рассмотрим её особенность перевода на английский язык на материале произведения А. И. Куприна «Гранатовый браслет».

Подвергая анализу отношение Анны, сестры княгини Веры Николаевны Шеиной, к своему мужу, автор оригинального произведения использует фразеологический тавтологический оборот «высмеять и в глаза и за глаза»: *...Она никогда не изменяла мужу, которого, однако, презрительно высмеивала и в глаза и за глаза* [4, с. 146]. В данном случае реализуется изонимическая реитерация, т. е. повторяется одна и та же лексема «глаза». В силу закреплённости типовых фразеологических значений за грамматической моделью «существительное в форме В. п. (её удвоение)» исчезает избыточное выражение смысла, тем самым усиливается действие героини — говорить, ругать кого-либо.

В английском варианте нарушается некая тавтологичность (повторяемость), потому что не дублируется лексическая единица «глаза», не повторяется грамматическая модель оригинала «существительное *глаза* в форме В. п.»: *...she was never unfaithful to her husband, whom she, however, ridiculed contemptuously both to his face and behind his back* [13, с. 633] (букв. **она никогда не изменяла своему мужу, которого она, однако, презрительно высмеивала как в его лицо, так и за его спиной*). Таким образом, английская модель становится менее экспрессивной.

Необходимо отметить, что для передачи и сохранения коммуникативной интенции оригинала переводчик С. З. Апресян использовал **контекстуальную замену и приём смысловой конкретизации**.

Для выражения согласия Анны на уговоры её сестры отойти от обрыва и сестра использует реитерацию служебной части речи — частицы «хорошо», что способствует формированию усиленной коннотативной семантики: отсутствие сопротивления младшей сестры княгини, её двойное согласие с оттенком одолжения, о чём свидетельствует междометие «ну»: *Ну хорошо, хорошо, села...* [4, с. 147].

Здесь представляется важным внести корректуру, поправку: к тавтологическому повтору можно отнести конструкции с кореференциальной реитерацией (отношение между именами — компонентами высказывания, в котором имена ссылаются на один и тот же объект внеязыковой действительности); есть апелляция к общим фоновым знаниям собеседников.

Английский эквивалент «All right, all right, I will» [13, с. 636] (букв. **хорошо, хорошо, я сяду*) сохраняет эту вторичную функцию оригинала — квалификативную. Однако при этом формируется амфиболия, неясность выражения, допускающего два различных истолкования: из-за употребления простого будущего времени «Future Simple» (в сравнении с русским грамматическим прошедшим временем) несколько снижается детерминированность действия Анны Николаевны (*I will*, т. е. *я сяду*), т. к. обозначается действие, последующее по отношению к моменту речи. Кроме этого, по-

средством добавления в переводной текст личного местоимения «I» происходит фиксация акцента на субъекте акциональности. Так актуализируется собственное решение героини произвести данное действие. Важно отметить, что этого смыслового оттенка нет в оригинале, т. е. является наносным, добавочным. Более того, в переводе опущена интеръективная (служебно-самостоятельная) часть речи — междометие «ну». Отсутствие эквивалента к данному этноспецифическому языковому явлению несколько нивелирует факт одолжения, присутствующего в русском тексте.

Восхищение от созерцания антуража природы Куприн передаёт редупликацией (удвоением) во-просительно-относительного местоимения «какая», выполняющего функцию атрибутива: *Но ты только посмотри, какая красота, какая радость — просто глаз не насытится* [4, с. 147]. Необходимо подчеркнуть, что, употребляя амплификацию (нарастание абстрактной, образной лексики: *какая красота, какая радость*), доставляющих наслаждение взору, слуху героини, тем самым составляя комплементарный ряд, ещё больше интенсифицируется эмоциональная действенность.

Переводчик, вслед за автором оригинального произведения, сохраняет квалитатив (довольство окружающей обстановкой): *But see how beautiful it is, how exhilarating — you just can't look enough* [13, с. 636] (букв. *но смотри, как красиво, как приятно (в значении доставляющий удовольствие) — ты просто не можешь насмотреться вдоволь).

Однако мы считаем, что контекстуальная замена русской лексики «посмотри» осуществлена не вполне корректно, т. к., согласно Кембриджскому словарю английского языка, глагол «to see» (= видеть), коррелирует с «обнаружить» (= увидеть; здесь появляется эффект новизны) или с сочетанием «быть в курсе чего-либо»: «to see means to notice or become aware of (someone or something) by using your eyes» [12]. Глагол «to look», в свою очередь, связан со значением «обратить внимание»: «to look means to direct your eyes in a particular direction and pay attention to it».

Таким образом, инфинитив «смотреть» мы употребляем для того, чтобы обратить наше внимание (среагировать) на органы чувств внешнего воздействия: на то, что мы видим или слышим. Это значит, что из-за использования квазисинонимов создаётся семантическая дифференциация, тождество приобретает двойственный характер.

При дескрипции близости, нежности чувств Анны к Вере используется полиптотон «щека к щеке» (повторение одного и того же слова в разных грамматических формах): *Она обняла старшую сестру и прижалась к ней, щека к щеке* [4, с. 148]. По причине того, что данному полиптотону принадлежат свойства фразеологических единиц (устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость), реализуются одновременно градуальность действия (прижаться очень близко) и его пояснение, экспликация, уточнение. Таким образом, происходит десемантизация рассматриваемых компонентов тавтологической единицы. Английский перевод: *She put her arm round her sister and snuggled against her, cheek to cheek* [13, с. 639] (букв. *она обняла сестру и прижалась к ней, щека к щеке) передаёт адъективную функцию оригинала с последующей детализацией его содержания. Пропуск слова «старшая» в данном фрагменте является нежелательным, т. к. возникает определённое затруднение в идентификации сестёр по возрастной категории.

В перечислении того, что нравится сёстрам в генерале Аносове, который был боевым товарищем и преданным другом их отца, упоминается повтор однокоренных сцеплений «рассказы, рассказываемые»: *...неторопливые, эпически спокойные, простосердечные рассказы, рассказываемые между вечерним чаем и тем скучным часом, когда детей позовут спать* [4, с. 151–152]. Здесь реализована тавтология в широком понимании. Необходимо уточнить следующий аспект: данная иллюстрация многословия не порицается с точки зрения норм кодифицированного современного русского литературного языка, поскольку, во-первых, трудно подыскать другой равнозначный эквивалент в языке и, во-вторых, предмет в таком обороте «существует только во время самого действия» [7, с. 294].

В английском отрывке аннигилирована изонимическая реитерация за счёт модификации — применения таких разнокорневых лексем, как «stories told»: *...artless unhurried stories, calm as an epic, told between evening tea and the hated hour when the children were told to go to bed* [13, с. 648–649] (букв. *простодушные, неторопливые рассказы, спокойные как эпопея, рассказанные между вечерним чаем и постылым часом, когда детям было сказано идти спать).

Представляется важным упомянуть, что инверсия компонентов данного предложения в переводном дискурсе не совсем точно передаёт мысль подлинника: для переводчика релевантным является качество разговоров, посредством которых устанавливается констатация характерологических черт рассказчика: его искренность, бескорыстие. Для автора оригинального произведения значимым оказывается темп рассказов. Тем самым раскрывается другая черта характера генерала Аносова: умеренность, отсутствие поспешности. Таким образом, происходит смещение центров мировоззренческого типа. Кроме этого, неправильно подобрана замена русской лексики «скучный». По данным Оксфордского словаря, «to hate» означает «to dislike something or somebody very much» [14, с. 713] (= «испытывать очень сильную неприязнь к кому-либо или чему-либо»). Оказывается, что лексема «hated» отчётливо противопоставлена оригиналу «скучный», т. к., по данным Толкового словаря русского языка Д. Н. Ушакова, лексема *скучный* имеет два значения: 1) испытывающий скуку, 2) неинтересный (без пейоративной коннотации) [11, т. 4, с. 246–247].

Повествуя о любви телеграфиста к Вере, о том, на какие жертвы он шёл ради неё (переоделся трубочистом, вымазался сажей с тем, чтобы увидеть княгиню, проникнуть в её будуар), А. И. Куприн использует изосемию (скрытую тавтологию), т. к. наблюдается смысловое тождество обобщающего слова и однородных членов предложения: *Следы пяти пальцев и двух губ остались, как видите, повсюду: на коврах, на подушках, на обоях и даже на паркете* [4, с. 160]. Данный тип многословия не является речевой погрешностью: это ряд однородных обстоятельств места с обобщающим словом, выполняющий функцию экспликации. Между обобщающим словом («всюду») и однородными лексическими компонентами («на коврах, на подушках, на обоях и даже на паркете») устанавливаются отношения целого и части. Кроме этого, важно указать на грамматическую неправильность выражения «следы двух губ», из-за чего некорректно употреблена сочинительная связь (связь между синтаксически равноправными единицами «следы пяти пальцев и двух губ остались»). Существительное «губы» входит в класс соматизмов, номинации элементов строения тела человека. Следовательно, анатомически у всех людей ровно две губы: верхняя и нижняя. Значит, мы можем вывести следующую пресуппозицию (необходимый семантический компонент, обеспечивающий наличие смысла в утверждении): сочетание количественного числительного «двух» и имени существительного в форме множественного числа «губ» образует некую градацию, фигуру с нарастающим смыслом значимости выражения; появляется аллюзия на сопричастность и телеграфиста, и графини.

В аналоге сохраняется пропозициональная тавтология: *You can see that he left the traces of his five fingers and two lips everywhere: on the rug sand pillows and wall paper, and even on the floor* [13, с. 673] (букв. *вы можете увидеть, что он оставил следы своих пяти пальцев и двух губ повсюду: на коврах и подушках, и обоях, и даже на полу). Однако некорректно употреблена декомпрессия: ввод субъекта (личного местоимения 3-го лица) «he» во вторую предикативную единицу оригинала, т. к. создаётся путаница и «деструктивность» в понимании текста перевода — исчезает намёк на близость героев.

Выводы. Таким образом, иноязычный текст одновременно может быть переводимым и непере­водимым, так как является каналом, устанавливающим межъязыковую коммуникацию. Результаты данной коммуникации, которые впоследствии апроприируются рецепторами текста перевода в качестве полноправного репрезентанта оригинала, содержат языковые и культурные различия, приводящие к нетождественности этих текстовых материалов. Более того, опуская конкретные моменты в повести и, в то же время, добавляя другие элементы, трансформирующие семантику оригинала, а значит и интенцию самого автора, изменяя порядок следования компонентов предложения, некорректно подбирая контекстуальные замены, переводчик эмфатизирует разность, существующую в образе мышления носителей того или иного языка. А это значит, что представляется возможным обнаружить следы «языковой личности», а именно «человека в языке», который выступает как носитель сознания и транслятор культур.

Показательна в этом отношении специфика перевода тавтологического оборота «всмеивала и в глаза и за глаза» на английский язык. Переводчик «разрушает» данную фразеологизированную единицу, прибегая к её лексико-семантической замене — приёму смысловой конкретизации: «*ridiculed contemptuously both to his face and behind his back*». В этом проявляется аксиологическая особенность оригинального и переводного дискурсов.

Также необходимо отметить, что дублирование однокоренных лексем в языке реципиента может не дублироваться, что связано с природой языков, задействованных в переводе. В ряде замеченных нами примеров отсутствия такого дублирования причину можно усматривать в аналитической природе английского языка, в котором грамматические отношения чаще регулируются синтаксическими закономерностями, и флективной природе русского языка, делающей его более зависимым от морфологических закономерностей, чем аналитические языки, особенно в вопросах словоизменения.

Во всех остальных случаях единицы, репрезентирующие тавтологию, характеризуются переводимостью без утраты важных смысловых элементов. Таким образом, мы приходим ко второму направлению антропоцентризма, по Е. С. Кубряковой: «язык в человеке», который является мерой всех вещей в языке и культуре.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы. В дальнейшем планируется проанализировать другие произведения А. И. Куприна и их английские аналоги на предмет тавтологических элементов с последующим распределением их в лексико-тематические группы и построением соответствующих концептов. Таким образом мы намерены доказать возможность рассмотрения исследуемого вида семантической избыточности как одной из основных единиц когнитивной лингвистики, наряду с концептом.

Л и т е р а т у р а

1. Вилинбахова Е. Л. Как говорится, статья есть статья : некоторые аспекты функционирования тавтологий в коммуникации. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 1–4 июля 2016 г.)*. Москва : Изд-во РГГУ, 2016. Вып. 15 (22). С. 803–816.

2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. 2-е изд., испр. Москва : Р. Валент, 2011. 408 с.
3. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании лингвокультурной картины мира. *Роль человеческого фактора в языке : Язык и картины мира*. Москва : Наука, 1988. С. 141–172.
4. Куприн А. И. Собрание сочинений : в 9 т. Москва : Худож. лит., 1972. Т. 5–309 с. URL : <https://ruslit-traumlibrary.net/book/kuprin-ss09-05/kuprin-ss09-05.html#work017> (дата доступа: 02.09.2019).
5. Масловская Л. Ю. Английские и французские кальки в современном русском языке. *Молодой учёный*. Москва, 2010. № 5. Т. 2. С. 31–34.
6. Основные понятия переводоведения (Отечественный опыт) : Терминологический словарь-справочник / отд. языкознания; отв. ред. М. Б. Раренко. Москва : ИНИОН РАН, 2010. 260 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь лингвистических терминов. Москва : АСТ, 2008. 624 с.
9. Скребнев Ю. М. Основы стилистики английского языка. Москва : ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 230 с.
10. Степанов Е. Н. Регионализмы в речи персонажей как средство выразительности в творческой манере А. И. Куприна. *Одесська лінгвістична школа : інтеграція підходів : колективна монографія* / ред. Т. Ю. Ковалевська; ОНУ ім. І. І. Мечникова. Одеса : ПолиПринт, 2015. С. 169–176.
11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
12. Cambridge advanced learner's dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. URL : <https://dictionary.cambridge.org/ru/грамматика/британская-грамматика/look-at-see-or-watch> (дата доступа 05.09.2019).
13. Kuprin A. I. *The Garnet Bracelet and Other Stories* / transl. from the Russian by S. Apresyan. Moscow : Foreign languages publishing house, 1956. 735 с.
14. Oxford Learner's Dictionaries / Chief Ed. S. Wehmeier. Oxford : Oxford University Press, 2015. 1780 p.

References

1. Vilibakhova, E. L. (2016), «As the saying goes, an article is an article : some aspects of the functioning of tautologies in communication», *Computational linguistics and intellectual technologies : Based on materials from the annual international conference «Dialogue» (Moscow, July 1–4, 2016)* [«Kak govornitsya, stat'ya est' stat'ya : nekotorye aspekty funktsionirovaniya tautologii v kommunikatsii», *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii : Po materialam yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii «Dialog» (Moskva, 1–4 iyulya 2016)*], Russian State University for the Humanities publishing house, Moscow, vol. 15 (22), pp. 803–816.
2. Komissarov, V. N. (2011), *Modern Translation Studies, 2nd ed., rev.* [Sovremennoe perevodovedenie, 2- e izd., ispr.], R. Valent, Moscow, 408 p.
3. Kubryakova, E. S. (1988), «The role of word formation in the creating of the linguocultural worldview», *The role of the human factor in language : Language and pictures of the world* [«Rol' slovoobrazovaniya v formirovanii lingvokul'turnoy kartiny mira», *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke : Yazyk i kartiny mira*], Nauka publishing house, Moscow, pp. 141–172.
4. Kuprin, A. I. (1972), *Collected Works : in 9 vols.* [Sobranie sochineniy : v 9 t.], Hudozhestvennaya literature publishing house, Moscow, vol. 5, 309 p., available at : <https://ruslit-traumlibrary.net/book/kuprin-ss09-05/kuprin-ss09-05.html#shhork017/> (accessed: 02. 09. 2019).
5. Maslovskaya, L. Yu. (2010), «English and French translation loan-words in modern Russian», *Young scientist* [«Angliyskie i francuzskie kal'ki v sovremennom russkom yazyke», *Molodoy uchenyy*], Moscow, issue 5, vol. 2, pp. 31–34.
6. Rarenko, M. B., ed. (2010), *Basic concepts of translation studies (Russian experience) : Terminological dictionary* [Osnovnye ponyatiya perevodovedeniya (Otechestvennyy opyt) : Terminologicheskii slovar'-spravochnik], Linguistics Department, INION RAS, Moscow, 260 p.
7. Peshkovskiy, A. M (2001), *Russian language in scientific coverage* [Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii], Yazyki slavyanskoj kul'tury publishing house, Moscow, 544 p.
8. Rozental', D. E., Telenkova M. A. (2008), *Dictionary of linguistic terms* [Slovar' lingvisticheskikh terminov], AST publishing house, Moscow, 624 p.
9. Skrebnev, Yu. M. (2003), *Fundamentals of English style* [Osnovy stilistiki angliyskogo yazyka], Astrel' & AST publishing houses, Moscow, 230 p.
10. Stepanov, Ie. N. (2015), «Regionalisms in the speech of characters as a means of expression in the creative style of A. I. Kuprin», *Odesa linguistic school : Integration of approaches : collective monograph* [«Regionalizmy v rechi personazhey kak sredstvo vyrazitel'nosti v tvorcheskoj manere A. I. Kuprina», *Odeska lingvistichna shkola : intehratsiia pidkhodiv : kolektivna monohrafiia*], PolyPrint, Odessa, pp. 169–176.
11. Ushakov, D. N., ed. (1935–1940), *Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes* [Tolkovyy slovar' russkogo yazyka : v 4 t.], State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, Moscow.
12. *Cambridge advanced learner's dictionary* (2003), Cambridge University Press, Cambridge, available at : <https://dictionary.cambridge.org/ru/грамматика/британская-грамматика/look-at-see-or-watch/> (accessed : 05. 09. 2019).
13. Kuprin, A. (1956), *The Garnet Bracelet and Other Stories*, Translated from the Russian by S. Apresyan, Foreign languages publishing house, Moscow, 593 p.
14. Wehmeier, S., chief ed. (2015), *Oxford Learner's Dictionaries*, Oxford University Press, Oxford, 1780 p.

ПАРАХОНЬКО Людмила В'ячеславівна,

асистент кафедри славистики Бельського державного університету імені А. Руссо; вул. Пушкіна, 38, м. Бельці, 3100, Молдова; e-mail: parakhonko91@mail.ru; тел.: +373 78690238; ORCID ID: 0000-0002-7010-3107

ТАВТОЛОГІЧНІ СПОЛУЧЕННЯ І СПЕЦИФІКА ЇХ ПЕРЕКЛАДУ У ТВОРІ О. І. КУПРИНА «ГРАНАТОВИЙ БРАСЛЕТ» (НА МАТЕРІАЛІ ОРИГІНАЛЬНОГО ТА ПЕРЕКЛАДНОГО ДИСКУРСІВ)

Анотація. *Мета* статті — дослідити тавтологічні сполучення і специфіку їх перекладу у творі О. І. Куприна «Гранатовий браслет» (на матеріалі оригінального та перекладного дискурсу). *Об'єкт* аналізу — тавтологічні сполучення і специфіка їх перекладу у зазначеному творі. *Предмет* аналізу — техніки перекладу, що дозволяють проаналізувати специфіку перекладу тавтологічних сполучень, а отже, — і їхню роль, релевантність в оригінальному тексті О. І. Куприна та його англійського аналогу. Як основний у роботі використано метод контрастивного аналізу. У *результаті* проведеного дослідження розглянуто амбівалентність у ставленні до тавтологічних компонентів, що виражають певні смисли, описано специфіку перекладу тавтологічних сполучень у художньому творі, виокремлено проблеми, з якими стикається перекладач, намічено перспективи вирішення деяких з них.

Висновки. Іноземний текст може бути одночасно перекладним і неперекладним через існуючу мовну асистемність, яка знаходить свою когерентність (взаємозв'язок) із граматичним аспектом концептуалізації, що свідчить про логоцентризм мовних категорій. У досліджуваному матеріалі виявлено два напрямки антропоцентричного підходу до цього, на які вказувала О. С. Кубрякова: 1) «людина в мові», коли людина виступає носієм свідомості та транслятором культур, 2) «мова в людині», коли людину сприймають як вимір усіх речей у мові й культурі. *Практичне застосування* результатів дослідження є можливим у курсах із теорії перекладу, лінгвокультурології та етнолінгвістики.

Ключові слова: тавтологічні компоненти, приховані смисли тавтології, переклад, специфіка, амбівалентність, оригінальний текст, перекладний текст, О. І. Купрін.

Liudmila V. PARAHONCO,

Assistant of the Department of Slavic Studies of Alecu Russo Bălți State University; 38, Pushkin Str., Bălți, 3100, Moldova; e-mail: parakhonko91@mail.ru; tel.: +373 78690238; ORCID ID: 0000-0002-7010-3107

TAUTOLOGICAL COMBINATIONS AND THE SPECIFICITY OF THEIR TRANSLATION IN A WORK OF FICTION OF A. I. KUPRIN «GARNET BRACELET» (BASED ON ORIGINAL AND TRANSLATED DISCOURSES)

Summary. The *purpose* of the article is to study tautological combinations and the specifics of their translation in a work of fiction of A. I. Kuprin «Garnet bracelet» (based on original and translated discourses). The *object* of analysis is tautological combinations and the specifics of their translation in the work of A. I. Kuprin «Garnet bracelet». The *subject* of analysis is the translation techniques that allow us to analyze the specifics of the translation of tautological combinations, and therefore their role, relevance in the original work of fiction of A. I. Kuprin «Garnet bracelet» and its English equivalent. The *method* of contrastive analysis was used in the work. The *result* of the study is the consideration of ambivalence in relation to tautological components expressing certain meanings, the specifics of the translation of the tautology into translating language is described, the problematic aspect of the study is identified, the prospects for solutions are outlined.

Findings. A foreign text can be both translatable and non-translatable due to the existing linguistic non-systemicity, which finds its coherence (interconnection) with the grammatical aspect of conceptualization, which speaks of the logocentrism of language categories. So, we come to two directions of anthropocentrism identified by E. S. Kubryakova: 1) «a person in a language», which acts as a carrier of consciousness and a translator of cultures, 2) «a language in a person», which is a measure of all things in language and culture. The *practical value* of the research is possible to use in lecture courses of linguoculturology, translation theory, and ethnolinguistics.

Key words: tautological components, tautological implications, translation, peculiarity, ambivalence, original text, translated text, Alexander Kuprin.

Статтю отримано 25.04.2020 р.